

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

10 октября 2019 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И.Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина С.Н.Баранова,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин С.Н.Баранов оспаривает конституционность части первой статьи 226¹ УК Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов,

огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей в крупном размере либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных).

Приговором Химкинского городского суда Московской области от 18 сентября 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27 ноября 2018 года, С.Н.Баранов признан виновным в предусмотренной частью первой статьи 226¹ УК Российской Федерации контрабанде, выразившейся в незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС полученного им в качестве подарка в связи с юбилеем возглавляемого им ООО «Русское авиационное общество» противоперегрузочного костюма, предназначенного для применения при пилотировании самолетов Вооруженных Сил Российской Федерации и отнесенного судом к категории «иная военная техника». Виновный подвергнут наказанию в виде лишения свободы на срок три года, которое постановлено считать условным с испытательным сроком три года.

Из приговора следует, что С.Н.Баранов, являясь генеральным директором названного общества, одним из направлений деятельности которого как субъекта военно-технического сотрудничества на авиационном рынке выступает поставка продукции для авиационной техники иностранным заказчикам, и будучи осведомленным в силу этого о порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы такой продукции, о назначении и области применения противоперегрузочного костюма, на

следующий день после его получения, намереваясь вылететь в Федеративную Республику Германия, поместил данный костюм в свой чемодан среди личных вещей, в аэропорту сдал багаж и проследовал по «зеленому коридору». Сотруднику таможенного контроля, остановившему С.Н.Баранова, тот пояснил, что предметов, запрещенных к вывозу через таможенную границу либо вывозимых через нее по специальным правилам или на основании разрешительных документов, у него и в его багаже не имеется.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение противоречит статьям 17 (часть 1), 19 (часть 1), 21, 35 (части 1–3), 46, 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно, устанавливая уголовную ответственность за деяния, сопряженные с перемещением через таможенную границу иной, помимо указанной в нем, военной техники, в условиях отсутствия законодательно закрепленного перечня относящихся к ней предметов, предусматривающего ясные и недвусмысленные критерии определения признаков контрабанды, позволяет использовать в этих целях заключения экспертов, создавая тем самым возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения данной нормы.

2. Конституция Российской Федерации, относя определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «м»), допускает введение ограничений перемещения товаров и услуг, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей (статья 74, часть 2). Исходя из приведенных конституционных положений, законом или в установленном законом порядке могут вводиться меры правового регулирования, ограничивающие свободный оборот отдельных веществ или предметов как в отношении их принадлежности на территории Российской Федерации лишь определенным участникам оборота и допустимости сделок с ними только по специальному разрешению (пункт 2

статьи 129 ГК Российской Федерации), так и в отношении их перемещения за пределы Российской Федерации.

В частности, Перечень видов продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 года № 179 в целях сохранения государственного контроля за реализацией отдельных видов продукции, имеющих важнейшее значение в том числе для обеспечения общественной безопасности, включает в себя вооружение, боеприпасы к нему, военную технику, запасные части, комплектующие изделия и приборы к ним, взрывчатые вещества, средства взрывания, пороха, все виды ракетного топлива, а также специальные материалы и специальное оборудование для их производства, специальное снаряжение личного состава военизированных организаций и нормативно-техническую продукцию на их производство и эксплуатацию.

Согласно Федеральному закону от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» к основополагающим принципам государственной политики в сфере военно-технического сотрудничества относятся государственная монополия, исключающая осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения российскими организациями, не получившими на это права в установленном порядке, и российскими физическими лицами, а также соблюдение международных обязательств Российской Федерации в области контроля за экспортом продукции военного назначения, товаров и технологий двойного назначения, что обеспечивается, кроме прочего, введением разрешительного порядка осуществления внешнеэкономических операций с контролируемыми товарами, который предусматривает лицензирование и иные формы государственного регулирования их ввоза и вывоза, и применением к правонарушителям мер юридической ответственности (статьи 4 и 5, пункт 4 статьи 6 и статья 15).

Имея своим предназначением защиту публичных интересов (включая обеспечение общественного порядка, обороны и безопасности), установление

юридических ограничений оборота такого специфического вида имущества, как военная техника, само по себе отвечает конституционно допустимым целям ограничения прав и свобод человека и гражданина, не выходит за рамки полномочий федерального законодателя и в силу этого не может быть признано необоснованно умалющим право частной собственности и другие имущественные права, гарантируемые статьей 35 Конституции Российской Федерации, а также не расходится со смыслом ее статьи 55 (часть 3), при том, однако, условии, что ограничения оборота адекватны своим целям, а меры публично-правовой ответственности за правонарушения в данной сфере соотносятся с вытекающим из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства общеправовым критерием определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без чего невозможно ее единообразное понимание и применение.

3. Принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу соотносить с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения тех или иных терминов требуют обращения к нормативному материалу других правовых актов. Оценивая подобную модель законодательного регулирования, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к следующему выводу: сам по себе бланкетный характер нормы не может свидетельствовать о ее неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение, а потому степень определенности используемых в законе понятий должна оцениваться исходя не только из самого текста закона, его формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений. При этом конституционность бланкетной конструкции как

таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными актами (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 31 марта 2011 года № 3-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Поскольку же характерное для бланкетных диспозиций статей уголовного закона указание на незаконный характер конкретных деяний в сфере оборота тех или иных предметов означает, что юридической предпосылкой применения соответствующих уголовно-правовых норм является несоблюдение действующих в данной сфере правил (притом что основанием уголовной ответственности, в силу статьи 8 УК Российской Федерации, служит наличие в совершенном деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного данным Кодексом), постольку решение вопроса о наличии признаков состава преступления, предусмотренного статьей 226¹ УК Российской Федерации, предполагает выявление нарушения правил трансграничного перемещения предметов, посягающего на охраняемые законом таможенные отношения, а также установление принадлежности незаконно перемещаемых предметов к числу названных в этой статье предметов контрабанды.

3.1. Бланкетный способ изложения статей уголовного закона применительно к установлению круга относимых к тому или иному составу преступления предметов не сводится лишь к поименному перечислению каждого из них посредством полного их перечня, специально принятого для целей конкретной статьи. Достижение ясности в этом вопросе может обеспечиваться и за счет обращения к понятийному аппарату системно связанных с уголовным законом нормативных актов другой отраслевой принадлежности, ссылки на которые сделаны или подразумеваются в бланкетных диспозициях. Содержащиеся в данных актах дефинитивные нормы, непосредственно обозначая область применения, целевое предназначение и другие характерные (видовые) признаки определяемого

предмета, также призваны служить для его отграничения от множества других предметов.

Так, в межотраслевой связи со статьей 226¹ УК Российской Федерации находятся, например, дающие легальное определение понятия «военная техника» либо указывающие на ее разновидности положения Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (абзац пятый статьи 1), Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203 (абзац второй примечания 3), Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 2011 года № 1661 (пункт 8.1.3), Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июня 2012 года № 581 (пункт 3).

При этом предметы, которые попадают в сферу действия статьи 226¹ УК Российской Федерации в качестве вооружения и военной техники, настолько редко – с учетом провозглашенной государственной монополии – могут законным образом оказаться во владении частных лиц и стать в таком качестве объектом перемещения через границу, что отсутствие их поименного перечня может быть компенсировано (при разумной осмотрительности лица, владеющего предметами, явно имеющими военное или двойное назначение) возможностью установить назначение данного предмета, а значит, и применимые при его перемещении через границу правила посредством обращения в уполномоченные государственные органы. В частности, в случае необходимости получить дополнительную информацию для определения принадлежности продукции к продукции военного назначения имеется возможность (в том числе для физических лиц)

ее идентификации (в том числе как изделия военной техники), которая осуществляется в соответствии с Порядком отнесения товаров, а также информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности к продукции военного назначения и выдачи Федеральной службой по военно-техническому сотрудничеству соответствующих заключений, утвержденным ее приказом от 13 марта 2015 года № 20-од.

3.2. Как следует из судебных решений по делу С.Н.Баранова, он признал свою вину по предъявленному обвинению, в апелляционном порядке приговор не обжаловал, а в ходе рассмотрения в судебном заседании апелляционного представления прокурора сторона защиты просила оставить приговор без изменения, обратив, однако, внимание суда на то, что, по ее мнению, ущерба охраняемым интересам действия С.Н.Баранова не причинили, обнаруженный у него противоперегрузочный костюм не предназначался изготовителем для применения в качестве средства обеспечения жизнедеятельности пилотов военных самолетов. В своей же жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации он утверждает, что часть первая статьи 226¹ УК Российской Федерации не исключает инкриминирования контрабанды вследствие экспертной ошибки либо неумышленного совершения действий, формально образующих предусмотренный ею состав преступления.

Между тем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регулируя процесс доказывания, в рамках которого доказательства подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в их совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (часть первая статьи 88), закрепляет принцип их свободной оценки: судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью, причем никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (статья 17). На обеспечение подобного подхода ориентирует правоприменителей и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 21

декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» разъяснил, что заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все они, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами (пункт 19).

Согласно данному Кодексу обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого подтверждена совокупностью непосредственно исследованных судом доказательств (часть четвертая статьи 14, части первая и третья статьи 240 и часть четвертая статьи 302), а описательно-мотивировочная часть такого приговора должна, кроме прочего, содержать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (пункт 2 статьи 307). К тому же уголовно-процессуальный закон не препятствует сторонам обвинения и защиты использовать на началах состязательности и равноправия любые законные средства отстаивания своих интересов в суде, включая возражение против получения и исследования доказательств в судебном следствии и оспаривание их допустимости и достоверности, а суд не освобождается от обязанности изучить доводы сторон и, при возникновении у него неустранимых сомнений в допустимости и достоверности полученных им либо представленных сторонами доказательств, истолковывать сомнения в пользу обвиняемого (статья 49, часть 3, Конституции Российской Федерации и часть третья статьи 14 данного Кодекса).

Таким образом, суд, рассматривая уголовное дело, разрешает вопрос о выборе правовых норм, подлежащих применению, в том числе с учетом их бланкетного характера, оценивает имеющие значение для дела обстоятельства, проверяет правильность уголовно-правовой квалификации совершенного деяния на основе приведенных норм, регламентирующих правила уголовного судопроизводства, которое не может быть подменено производством в Конституционном Суде Российской Федерации, призванном

воздерживаться от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 2647-О

**Мнение
судьи Конституционного Суда Российской Федерации
С.М.Казанцева**

Не соглашаясь с отказом в принятии к рассмотрению данной жалобы, излагаю свое мнение. В частности, полагаю, что отсутствие определенности положения нормы Уголовного кодекса Российской Федерации не может быть компенсировано «посредством обращения в уполномоченные

государственные органы», как это предлагается в Определении Конституционного Суда Российской Федерации по данному делу.

1. Основанием к рассмотрению дела, на мой взгляд, является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации часть первая статьи 226¹ УК Российской Федерации в той мере, в какой она – при отсутствии ясного и непротиворечивого правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через таможенную границу Таможенного союза или Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС «иной военной техники», приводящего к ее произвольному истолкованию и применению, – не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Согласно статье 71 Конституции Российской Федерации регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (пункт «в»), а также уголовное законодательство (пункт «о») находятся в ведении Российской Федерации. Реализуя свои полномочия в этой сфере, федеральный законодатель самостоятельно определяет содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливает преступность общественно опасных деяний, их наказуемость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления. При этом он связан требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающими возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, что предполагает – в силу принципа верховенства права – недопущение использования средств уголовного закона для несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовной ответственности (Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой

статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А.Асламазян»).

Конституция Российской Федерации, относя определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества к ведению Российской Федерации (статья 71, пункт «м»), предусматривает, что ограничения перемещения товаров и услуг могут вводиться федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей (статья 74, часть 2).

Исходя из приведенных конституционных положений, законом или в установленном законом порядке подзаконными актами могут вводиться меры правового регулирования, ограничивающие свободное перемещение вышеуказанных предметов за пределы Российской Федерации. За нарушение установленного порядка трансграничного перемещения военного имущества федеральный законодатель, осуществляя правовое регулирование на основании статей 71 (пункт «о»), 72 (пункт «к» части 1) и 75 Конституции Российской Федерации, вправе установить как административную, так и уголовную ответственность, определив соответствующие составы правонарушений.

Согласно оспариваемой заявителем части первой статьи 226¹ УК Российской Федерации устанавливается уголовная ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу либо Государственную границу Российской Федерации огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники. Таким образом, федеральный законодатель устанавливает уголовную ответственность за незаконное перемещение через границу не любого военного имущества (в законодательстве чаще встречается термин «продукция военного назначения»), а только наиболее значимых его видов.

Незаконное трансграничное перемещение иных, не указанных в оспоренной норме видов продукции военного назначения влечет лишь административную ответственность. Так, например, согласно статье 16.3 КоАП Российской Федерации несоблюдение установленных международными договорами государств – членов Евразийского экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 16.2 настоящего Кодекса, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией товаров, явившихся предметами административного правонарушения, или без таковой либо конфискацию предметов административного правонарушения. В соответствии со статьей 16.2 КоАП Российской Федерации недекларирование по установленной форме товаров, подлежащих таможенному декларированию, влечет наложение административного штрафа на граждан и юридических лиц в размере от одной второй до двукратного размера стоимости товаров, явившихся предметами административного правонарушения, с их конфискацией или без таковой либо конфискацию предметов административного правонарушения.

В соответствии со статьей 14.20 КоАП Российской Федерации осуществление внешнеэкономических операций с товарами, информацией, работами, услугами либо результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов и в отношении которых установлен экспортный контроль, без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна), либо с нарушением требований (условий,

ограничений), установленных разрешением (лицензией), а равно с использованием разрешения (лицензии), полученного (полученной) незаконно, либо с представлением документов, содержащих недостоверные сведения, за исключением случаев, предусмотренных статьями 16.1, 16.3, 16.19 настоящего Кодекса, влечет наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц в размере стоимости товаров, информации, работ, услуг либо результатов интеллектуальной деятельности, явившихся предметами административного правонарушения, с их конфискацией или без таковой либо конфискацию предметов административного правонарушения.

Предусмотрев в статье 226¹ УК Российской Федерации уголовно-правовые последствия незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза и Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС приведенных в ней предметов преступного посягательства, федеральный законодатель сформулировал диспозицию данной нормы как бланкетную, не определив критерии отнесения тех или иных вещей к числу этих предметов при их трансграничном перемещении. Бланкетный характер этой нормы позволяет установить признаки и конкретные характеристики перечисленных в ней предметов посягательства только путем их поиска в других отраслях законодательства. При этом от правоприменителя требуется решить непростую задачу – найти именно те нормативные акты, которые должен был иметь в виду законодатель при формулировании этой нормы.

Соответственно, оценка определенности положений статьи 226¹ УК Российской Федерации может быть осуществлена лишь в привязке к положениям неопределенного круга нормативных правовых актов, устанавливающих либо критерии определения, либо перечень указанных в ней предметов и порядок их перемещения через таможенную границу и Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Предполагается, по общему правилу, что запреты и ограничения свободного трансграничного перемещения товаров

(работ, услуг) должны быть выражены ясным, недвусмысленным образом, особенно если речь идет об уголовной ответственности.

Ранее Конституционный Суд Российской Федерации рассматривал конституционность положения статьи 226¹ УК Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за незаконное перемещение физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ, входящих в состав лекарственных средств, для личного использования (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 года № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е.Недашковского и С.П.Яковлева»).

При этом им были сформулированы следующие правовые позиции, учитывающие бланкетный характер проверяемых законоположений:

соблюдение требования формальной определенности уголовного закона, вытекающего из Конституции Российской Федерации, в том числе ее статей 1 (часть 1), 4 (часть 2), 6 (часть 2), 15 (часть 2) и 19 (части 1 и 2), и подразумевающего ясное и четкое определение признаков преступления, без чего не может быть достигнуто единообразное понимание и применение соответствующих норм, а значит, и соблюдение общих принципов правового регулирования и правоприменения и равенство всех перед законом, обеспечивается в правовом регулировании как содержанием конкретных нормативных положений, включая нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, так и наличием системных и иерархических связей различных нормативных предписаний;

сам по себе бланкетный характер норм не может свидетельствовать об их неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение, а потому оценка степени определенности содержащихся в законе понятий

должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений (постановления от 27 мая 2003 года № 9-П, от 31 марта 2011 года № 3-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 17 июня 2014 года № 18-П и др.); при этом конституционность бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными нормативными правовыми актами;

юридические конструкции бланкетного характера могут отсылать к положениям не только законов и находящихся в нормативном единстве с ними подзаконных актов, но и международных договоров Российской Федерации, поскольку Конституция Российской Федерации признает их составной частью правовой системы России и закрепляет приоритет установленных ими правил в правоприменительной практике (статья 15, часть 4), а также предусматривает возможность участия России в межгосударственных объединениях и передачи им части своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации (статья 79);

указание на незаконный характер конкретных деяний в сфере оборота тех или иных предметов, веществ и т.д., характерное для бланкетных диспозиций статей уголовного закона, означает, что юридической предпосылкой применения соответствующих уголовно-правовых норм является несоблюдение установленных в данной сфере правил, притом что юридическим основанием уголовной ответственности – в силу статьи 8 УК Российской Федерации – служит наличие в совершенном деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного данным Кодексом.

Вместе с тем, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, сам по себе бланкетный характер нормы не является гарантией ее конституционности. В частности, в указанном Постановлении

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о несоответствии статьи 226¹ УК Российской Федерации Конституции Российской Федерации в той мере, в какой данное положение – при наличии приводящей к его произвольному истолкованию и применению неопределенности правового регулирования порядка и условий перемещения физическими лицами через границу Российской Федерации сильнодействующих веществ – не позволяет этим лицам осознавать общественно опасный и противоправный характер своих действий и предвидеть их уголовно-правовые последствия.

Ранее им было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации положение части первой статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР о праве нанимателя на вселение других граждан в занимаемое им жилое помещение «в установленном порядке», поскольку неопределенность его юридического содержания не позволяет ответить на вопрос, какой орган и каким актом должен устанавливать этот порядок, и порождает произвольное понимание того, что он означает по своему существу.

Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, отсутствие указания на вид нормативного акта, который должен «устанавливать порядок», может привести к нарушению конституционного права граждан и произвольному лишению их имущества, что не отвечает требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 года № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н.Ситаловой»).

2. С учетом данных правовых позиций степень определенности установленного в статье 226¹ УК Российской Федерации запрета незаконного трансграничного перемещения иной военной техники должна оцениваться путем выявления всей системы взаимосвязей правовых предписаний.

Следует заметить, что степень бланкетности диспозиции статьи 226¹ УК Российской Федерации различается в зависимости от перечисленных в ней

предметов посягательства. Так, согласно данной статье перечень стратегически важных товаров и ресурсов, а также перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, утверждается Правительством РФ.

Понятие культурных ценностей и их примерный перечень содержится в Законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Перечень сильнодействующих и ядовитых веществ можно без труда найти в Постановлении Правительства Российской Федерации от 3 августа 1996 года № 930 «Об утверждении номенклатуры сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, на которые распространяется порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 1996 года № 278».

Гораздо сложнее найти не только перечень, но и определение перечисленных в оспоренной статье предметов военного назначения. Наиболее общее определение продукции военного назначения и ее видов содержится в Федеральном законе от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». В соответствии со статьей 6 данного Закона Президент Российской Федерации по представлению Правительства Российской Федерации утверждает список продукции военного назначения, разрешенной к передаче иностранным заказчикам. Перечень разрешенного к обороту на территории Российской Федерации ручного стрелкового оружия и патронов к нему и холодного оружия в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» содержится в Государственном кадастре гражданского и служебного оружия.

Вместе с тем и в доктрине уголовного права, и в правоприменительной практике вызывает трудности поиск иных, помимо Федерального закона от 19 июля 1998 года № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской

Федерации с иностранными государствами», нормативных актов, в которых определяется содержание понятия военной техники, а также ее перечень.

По буквальному смыслу оспариваемой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, к предметам контрабанды могут относиться следующие группы продукции военного назначения: 1) огнестрельное оружие; 2) взрывные устройства; 3) боеприпасы; 4) оружие массового поражения, средства его доставки, а также материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки; 5) иное вооружение; 6) иная военная техника. Но в соответствии со статьей 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» вооружение и военная техника являются двуединым понятием и представляют собой комплексы различных видов оружия и средств обеспечения его боевого применения, в том числе средств доставки, системы наведения, пуска, управления, а также другие специальные технические средства, предназначенные для оснащения вооруженных сил, боеприпасы и их компоненты, запасные части, приборы и комплектующие изделия к приборам, учебное оружие (макеты, тренажеры и имитаторы различных видов вооружения и военной техники). Аналогичное определение вооружения и военной техники дано в пункте 2 Положения о транзите вооружения, военной техники и военного имущества через территорию Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2000 года № 306.

То есть в соответствии с вышеуказанными нормативными актами провести границу между понятиями «оружие», «вооружение» и «военная техника» практически невозможно. Соответственно, становится не вполне определенным и сам термин «иная военная техника», примененный в оспариваемой статье Уголовного кодекса Российской Федерации. Вероятно, в этом контексте он означает лишь «вооружение» и «военная техника», которые не могут быть отнесены к оружию массового поражения. Не будучи специалистом, могу только предполагать, что с военной точки зрения одно и

то же изделие, например самолет или корабль, может быть отнесено и к средствам доставки оружия, и к вооружению, и к военной технике. Но оправданно ли это с уголовно-правовой точки зрения?

По буквальному смыслу той же статьи 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» вооружение и военная техника являются лишь одной группой продукции военного назначения. В статье указаны и иные группы продукции военного назначения. Вот некоторые:

системы связи и управления войсками, вооружением и военной техникой;

взрывчатые вещества, предметы и устройства взрывания, пороха (за исключением охотничьих), ракетное топливо для боевых ракет, материалы специального назначения и специальное оборудование для их производства:

инженерно-технические сооружения, оборудование для боевого применения вооружения и военной техники;

системы обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил, специальное оборудование и материалы для их производства;

коллективные и индивидуальные средства защиты от оружия массового поражения, средства профилактики и лечения последствий применения оружия массового поражения;

специальное тыловое оборудование, военная форма одежды и ее атрибуты.

Вышеуказанное Положение о транзите вооружения, военной техники и военного имущества через территорию Российской Федерации также отделяет от вооружения и военной техники смежное понятие – «военное имущество», к которому относятся *системы обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил*, материалы специального назначения и специальное оборудование для их производства, коллективные и индивидуальные средства защиты от оружия массового поражения, средства профилактики и лечения последствий применения оружия массового

поражения, специальное тыловое оборудование, военная форма одежды и ее атрибуты.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» под военной техникой следует понимать технические средства, предназначенные для боевого, технического и тылового обеспечения деятельности войск, а также оборудование и аппаратура для контроля и испытаний этих средств, составные части этих средств и комплектующие изделия; а оружие – это средства, предназначенные для поражения живой силы, техники, сооружений и других объектов противника, составные части этих средств и комплектующие изделия.

Как видим, в вышеприведенных нормативных актах содержатся явно не совпадающие определения вооружений и военной техники, а также военного имущества и продукции военного назначения.

3. Противоперегрузочный костюм (ППК-3) используется военными летчиками как в Российской Федерации, так и за рубежом, включая некоторые страны НАТО, при выполнении полетов на самолетах типа МИГ-29, СУ-27 и других и является частью индивидуальной защиты личного состава. Тот факт, что он включен в список продукции военного назначения, разрешенный к передаче иностранным заказчикам, подтверждается Указом Президента от 30 сентября 2013 года. Вывоз из Российской Федерации продукции военного назначения в соответствии с Положением о порядке осуществления военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 года № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», осуществляется только юридическими лицами на основании лицензии либо по особому решению Президента Российской Федерации или Правительства Российской Федерации.

Следует отметить, что заявитель не оспаривал ни в судах общей юрисдикции, ни в Конституционном Суде Российской Федерации тот факт,

что противоперегрузочный костюм (ППК-3) относится к продукции военного назначения и что он совершил правонарушение, выразившееся в вывозе противоперегрузочного костюма без надлежащего разрешения.

Но он не знал и не мог знать, несмотря на его многолетний опыт работы в оборонной промышленности, что в процессе правоприменения ППК-3 будет отнесен не к системе обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил, не к специальному оборудованию или другому виду «военного имущества», а к вооружению и военной технике.

Для идентификации ввозимой на территорию Российской Федерации и вывозимой с ее территории продукции военного назначения (включая военную технику) при оформлении и выдачи лицензий, а также при совершении таможенных операций применяется Классификатор продукции военного назначения, ввоз и вывоз которой осуществляется по лицензиям, выдаваемым Федеральной службой по военно-техническому сотрудничеству (приложение № 3 к Положению о порядке осуществления лицензирования в Российской Федерации ввоза и вывоза продукции военного назначения). Следует отметить, что его структура не корреспондирует структуре статьи 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» и, соответственно, не позволяет ответить на вопрос о том, какая продукция военного назначения, указанная в данном приложении, относится к оружию, какая к вооружению и военной технике, а какая к системе обеспечения жизнедеятельности личного состава вооруженных сил, к специальному оборудованию или другому виду «военного имущества». В основу классификации в данном приложении положен принцип принадлежности продукции к определенному роду войск: танковые войска, авиация, флот, артиллерия и т.д.

К продукции военного назначения категории 4 «Самолеты, вертолеты и прочие летательные аппараты военного назначения» в данном приложении помимо прочего относятся: запасные части, агрегаты, узлы, приборы, комплектующие изделия, оборудование, оснастка, инструмент, специальное,

учебное и вспомогательное имущество, включая горюче-смазочные материалы, масла и парафины военного назначения (4.2).

Названный Классификатор не содержит ни перечня конкретных предметов, которые можно отнести к категории «иная военная техника», ни прямого указания на противоперегрузочные костюмы. Отнесение противоперегрузочного костюма к подкатегории 4.2, допущенное судами общей юрисдикции в деле заявителя, ничем не обосновано и вызывает сомнение, но даже если допустить включение ППК-3 в данную категорию классификатора, то, тем не менее, в соответствии с вышеуказанными положениями статьи 1 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» это само по себе не может служить доказательством того, что этот костюм является военной техникой, поскольку включенные в этот подпункт 4.2 горюче-смазочные материалы, масла и парафины военного назначения также вряд ли могут быть отнесены к категории «военная техника», так же как и парашюты, включенные в пункт 15.

В соответствии со статьей 6 Федерального закона от 18 июля 1999 года № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 2011 года № 1661 утвержден Список товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль. Пункт 8.1.3 раздела 4 Списка предусматривает: скафандры (изолирующие костюмы, в том числе противоперегрузочные), специальное оборудование и системы жизнеобеспечения человека, предназначенные для использования на летательных аппаратах или космических аппаратах, за исключением аварийно-спасательных средств, используемых на пассажирских летательных аппаратах.

Тем самым противоперегрузочные костюмы, используемые на летательных аппаратах, отнесены данным нормативным актом вообще не к

продукции военного назначения, а соответственно, и не к военной технике, а к товарам двойного назначения.

Наряду с этим следует отметить особенность кодов Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), использованных в Списке товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль. Применительно к пункту 8.1.3 это коды 6210 10 100 0; 6210 10 980 0; 6210 40 000 0; 6210 50 000 0; 9019 20 000 0; 9020 00 000 0.

Согласно Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» код 9019 20 000 0 – это аппаратура для озоновой, кислородной и аэрозольной терапии, искусственного дыхания или прочая терапевтическая дыхательная аппаратура; а 9020 00 000 0 – оборудование дыхательное прочее и газовые маски, кроме защитных масок без механических деталей и сменных фильтров. Противоперегрузочный костюм ППК-3, являвшийся предметом деяния заявителя, не имеет в своем составе дыхательного оборудования или аппаратуры.

Коды же 6210 10 100 0; 6210 10 980 0; 6210 40 000 0; 6210 50 000 0 отнесены к группе 62 «Предметы одежды и принадлежности к одежде, кроме трикотажных машинного или ручного вязания», в которую включаются только готовые изделия из любого текстильного материала, кроме ваты, исключая изделия трикотажные машинного или ручного вязания.

Соответственно, указанный противоперегрузочный костюм по своей сути и для целей таможенного регулирования может быть отнесен и к предметам одежды летчика.

Не противоречит этот вывод и Единому кодификатору предметов снабжения для федеральных государственных нужд ЕК 001-2014 (принятому Приказом Росстандарта от 25 ноября 2014 года № 7-ек), который относит к

группе 84 «Одежда, индивидуальное снаряжение и знаки отличия» класс 8475 «Летная специальная одежда и принадлежности», включающий: специальные полные комплекты и их компоненты для летного и летно-технического состава, защищающие от воздействия облучения, гравитации, парциального и высокого давления, включая негерметизированные защитные шлемы; кислородные маски; спасательные пояса; защитные устройства для глаз; звукопоглощающие и вибропоглощающие устройства.

Таким образом, при закупках для государственных нужд противоперегрузочные костюмы отнесены к летной специальной одежде и (или) принадлежностям, но не к военной технике.

Довод заявителя о цели использования противоперегрузочного костюма может быть оценен с учетом принятого в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 марта 1998 года № 360 «О федеральных правилах использования воздушного пространства и федеральных авиационных правилах» приказа Министра обороны Российской Федерации от 27 апреля 2009 года № 265 «Об утверждении Федеральных авиационных правил медицинского обеспечения полетов государственной авиации».

Указанные Федеральные авиационные правила, относящиеся в том числе к авиации Общероссийской общественной организации «Российская оборонная спортивно-техническая организация – РОСТО (ДОСААФ)» (являющейся спортивной авиацией), предусматривают в числе прочего тренировки в противоперегрузочном костюме (пункты 91, 107–114).

Соответственно, возможно использование противоперегрузочных костюмов и в процессе спортивных полетов. При этом вручение производителем этого костюма С.Н.Баранову в качестве подарка не свидетельствует о намерении сохранить свойства именно военного имущества и о невозможности его использования в личных целях.

Таким образом, законодательство Российской Федерации не позволяет однозначно определить: может ли противоперегрузочный костюм, будучи продукцией военного назначения, являться в то же время и товаром двойного

назначения, притом что на территории страны нормативными актами не исключается правомерное владение и пользование противоперегрузочными костюмами и лицами, не являющимися военнослужащими. Это, видимо, должно было быть учтено законодателем при оценке общественной опасности вывоза таких костюмов с территории Российской Федерации.

Несоблюдение запретов и ограничений при вывозе из Российской Федерации противоперегрузочного костюма, отнесенного к товарам двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль, является противоправным деянием. Однако такое деяние само по себе не может быть отнесено к предмету контрабанды в системе действующего законодательства с учетом буквального смысла оспариваемой заявителем статьи 226¹ УК Российской Федерации, соответственно, трансграничное перемещение такого имущества не может влечь уголовную ответственность.

Федеральный законодатель, относя в статье 226¹ УК Российской Федерации к числу предметов контрабанды вооружение и военную технику, а также иные виды продукции военного назначения, мог включить и иное военное имущество или даже продукцию двойного назначения, включая специальные предметы одежды и индивидуальной защиты военнослужащих. Однако законодатель не сделал этого, возможно, исходя из того, что контрабанда иных, не указанных в этой статье предметов военного назначения не достигает того уровня общественной опасности, который является достаточным для ее криминализации, возможно, по другим основаниям.

Во всяком случае, федеральный законодатель не раскрыл в оспоренной статье УК Российской Федерации с достаточной степенью определенности понятие «иная военная техника» и не указал ни вид нормативного акта, который должен конкретизировать содержание этого понятия, ни государственный орган, который должен издать соответствующий нормативный акт, что вынуждает правоприменителя в том числе и в данном

деле к произвольному толкованию данной нормы и может привести к необоснованному привлечению граждан к уголовной ответственности.

Установление в части первой статьи 226¹ УК Российской Федерации уголовной ответственности за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС «иной военной техники» ввиду отсутствия ясных и непротиворечивых критериев (признаков) отнесения продукции военного назначения к данной категории, ввиду нечеткого разделения продукции военного и двойного назначения представляется не отвечающим требованию формальной определенности, без чего не может быть достигнуто единообразное понимание и применение соответствующих норм, а значит, и соблюдение общих принципов правового регулирования и правоприменения и равенство всех перед законом.

Таким образом, в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые положения статьи 226¹ УК Российской Федерации, обнаруживается неопределенность. Это в соответствии со статьей 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» является основанием к рассмотрению дела в Конституционном Суде Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 36, 42, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагаю, что жалоба гражданина Баранова Сергея Николаевича подлежит рассмотрению, поскольку она отвечает требованиям, в соответствии с которыми такого рода обращения могут быть признаны допустимыми.